

Е.Е. Гришина

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС,
Москва

П.О. Кузнецова

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС,
Москва

Минимальная заработная плата как инструмент борьбы с бедностью: ожидаемые последствия реформы

Аннотация. Последовательный рост минимального размера оплаты труда (МРОТ) является одной из важных правительственных инициатив последних лет. В мае 2018 г. МРОТ был доведен до прожиточного минимума трудоспособного населения. В работе даны оценки ожидаемого влияния роста минимальной заработной платы на бедность без учета возможных негативных последствий для занятости. Согласно полученным результатам даже значительный рост минимальной заработной платы не позволит существенно снизить бедность. Основная причина этого заключается в различиях между понятиями бедности, определяемой на уровне домохозяйств, и низкой оплаты труда, определяемой индивидуально. В случае роста МРОТ до прожиточного минимума лишь чуть более четверти всех дополнительных зарплатных выплат попадут в бедные домохозяйства. В то же время практически половина получателей таких выплат проживают в семьях с невысокими доходами, близкими к черте бедности. Большого сокращения бедности можно достичь, определяя минимальную заработную плату с помощью региональных значений прожиточного минимума. Однако главный акцент в преодолении бедности должен быть сделан на адресные программы, согласно которым помощь предоставляется с учетом доходов домохозяйств, а не индивидуальных доходов работников, как в случае роста минимальной заработной платы.

Ключевые слова: *минимальная заработная плата, бедность, прожиточный минимум, моделирование, оценка эффекта.*

Классификация JEL: J31, J38, I32.

DOI: 10.31737/2221-2264-2018-40-4-6

1. Введение

Минимальная заработная плата является важным инструментом регулирования российского рынка труда. В последние годы она стабильно росла, а в мае 2018 г. достигла прожиточного минимума. Необходимость роста минимальной заработной платы, как правило, объясняется стремлением улучшить положение низкооплачиваемых работников и снизить бедность среди работающих и населения в целом. Однако взаимосвязь между минимальной заработной платой и бедностью не столь очевидна. Повышение минимальной заработной платы приводит в действие сразу несколько процессов, которые по-разному сказываются на доходах наименее квалифицированных работников — рост их заработной платы, ликвидация части рабочих

мест, их перевод в теневой сектор, а также рост цен в связи с увеличением издержек производителей. В результате рост минимальной заработной платы приводит к появлению как выигравших, так и проигравших, а окончательное влияние на бедность зависит от того, какой из факторов окажется сильнее.

В данном исследовании детально оцениваются возможные последствия различных сценариев изменения минимального размера оплаты труда (МРОТ) с точки зрения их влияния на бедность. Использование микроданных позволяет оценить влияние роста МРОТ на уровне индивидуумов и домохозяйств. В качестве модельных сценариев были рассмотрены планы правительства на 2018–2019 гг., а также альтернативные варианты определения МРОТ, а именно отказ от его централизованного определения и переход к расчету минимальной заработной платы по региональным показателям. Возможные последствия роста МРОТ оценивались без учета его возможного негативного влияния на занятость, поэтому полученные результаты следует воспринимать как верхнюю (более оптимистичную) оценку показателей распределения доходов.

2. Обзор ключевых исследований

Введение минимального размера заработной платы и последующий его рост призваны защитить права низкооплачиваемых работников и повысить уровень их доходов, что могло бы способствовать сокращению уровня бедности. Исследования, проводимые в зарубежных странах, показывают, что минимальная заработная плата действительно способствует снижению неравенства в распределении заработных плат (Brown, 1999; Neumark, Wascher, 2008).

В то же время многочисленные зарубежные исследования (Burkhauser, Card, Krueger, 1994; Burkhauser, Sabia, 2007) свидетельствуют о слабой связи между ростом минимальной заработной платы и сокращения бедности. Так, исследование влияния минимальной заработной платы на бедность в США (Neumark, Wascher, 2008) показало, что увеличение МРОТ способствует перераспределению доходов между низкообеспеченными семьями, что в целом не снижает бедности, а может даже способствовать ее росту.

Одной из причин слабой связи между ростом минимального размера заработной платы и бедностью является слабое вовлечение бедных в трудовую деятельность (Freeman, 1996).

Кроме того, в исследованиях (Burkhauser, Sabia, 2007; Burkhauser, 2014) указывается, что минимальная заработная плата не является эффективным механизмом снижения бедности, так как большинство низкоквалифицированных работников, выигрывающих от ее повышения, не живут в семьях с низкими доходами. В работе (Sabia, Burkhauser, 2010), посвященной анализу последствий повышения минимального размера заработной платы в США, было показано, что

лишь 11% работников, получающих прибавку от повышения минимальной заработной платы работников, проживают в бедных домохозяйствах, в то время как 63% являются вторыми или третьими работниками в небедных домохозяйствах.

Еще одной причиной слабого влияния минимальной заработной платы на сокращение бедности может быть ее негативное воздействие на занятость низкоквалифицированных работников (Neumark, Wascher, 2008; Burkhauser, 2014; MaCurdy, 2015). Несмотря на то что повышение минимальной заработной платы увеличивает доходы части низкоквалифицированных работников, рост безработицы среди них, напротив, снижает доходы домохозяйств, в которых они проживают (Sabia, 2008; Neumark, Wascher, 2002). В то же время в ряде работ было показано, что негативное воздействие на занятость отсутствует или оно незначительное (Neumark, Wascher, 2008; Belman, Wolfson, 2014).

В ответ на повышение минимальной заработной платы работодатели, помимо численности работников, могут как сократить рабочее время, так и увеличить его, чтобы компенсировать издержки (Couch, Wittenburg, 2001; Neumark, Wascher, 2007; Caliendo et al., 2017). Кроме того, возможным следствием повышения минимальной заработной платы является повышение потребительских цен (Manning, Bird, 2008; Neumark, Wascher, 2008), что негативно сказывается на доходах малообеспеченных слоев населения в целом (MaCurdy, 2015).

Еще один аспект, который необходимо принимать во внимание при повышении минимальной заработной платы, — возможность перехода части работников в неформальный сектор. Подобный эффект отмечается во многих исследованиях, проведенных в развивающихся странах (Comola, Mello, 2011; Nataraj et al., 2014).

В России минимальная заработная плата устанавливается на федеральном уровне и может быть скорректирована в соответствии со ст. 133.1 Трудового кодекса РФ специальным трехсторонним соглашением между профсоюзами, объединениями работодателей и органами исполнительной власти субъекта РФ на уровне региона. Размер минимальной заработной платы в регионе должен быть не ниже размера минимальной заработной платы, установленной на федеральном уровне, и может вводиться для всех работников, занятых на территории данного региона, за исключением работников учреждений федерального уровня. Установленная на федеральном уровне минимальная заработная плата распространяется на всех работников, отработавших полный рабочий месяц, независимо от их социально-демографических характеристик. Определение МРОТ на уровне региона позволяет более гибко учитывать региональные различия в уровне цен и качестве жизни.

Как правило, региональный МРОТ устанавливается на уровне федерального значения, в отдельных регионах — как доля прожиточного минимума (ПМ) для трудоспособного населения либо в виде фикс-

сированной суммы. В условиях жестких бюджетных ограничений регионы стали устанавливать различные пороги МРОТ для работников бюджетного и внебюджетного секторов (Лукьянова, 2016), что способствует росту дифференциации размеров заработной платы и может приводить к негативному отбору специалистов в бюджетный сектор. Внутрирегиональная дифференциация МРОТ и частота его пересмотра существенно различаются по регионам (Капелюк, 2014).

В работе (Muravyev, Oshcherkov, 2013) было показано, что рост минимальной заработной платы приводит к значимому росту безработицы среди молодежи от 16 до 24 лет и небольшому увеличению общей безработицы. Кроме того, рост МРОТ приводит к увеличению доли занятых в неформальном секторе в связи с переходом работников из формального сектора в неформальный. Влияние роста МРОТ на неформальную занятость выявлено и в других работах (Гимпельсон и др., 2014, 2017).

Также в российских исследованиях отмечается, что рост МРОТ повышает уровень безработицы (Кобзарь, 2009), сокращает неравенство в распределении заработной платы низкооплачиваемых работников в частном и государственном секторах, способствует снижению межотраслевой и гендерной дифференциации заработных плат (Lukiyanova, 2011), приводит к некоторому снижению бедности, ее глубины и остроты (Капелюк, 2014; 2016).

3. Данные и методика

Расчеты исследования базируются на данных «Выборочного наблюдения доходов населения» (далее – ВНДН) Росстата. Данные ВНДН были собраны в период с 30 января по 12 февраля 2016 г. и содержат данные о доходах и трудовом участии населения за предыдущий, 2015 год.

Данные ВНДН обладают определенными достоинствами и недостатками по сравнению с другими репрезентативными базами данных, прежде всего Российским мониторингом экономического состояния и здоровья населения (далее – РМЭЗ) с точки зрения возможности их применения для решения задач нашего исследования. В связи с тем, что обследование ВНДН ориентировано в основном на сбор данных об участии в социальных программах, блок вопросов о трудовой деятельности представлен в нем не столь подробно, как в РМЭЗ. В частности, отсутствуют вопросы о типе собственности предприятия, фактическом и среднем объеме отработанного времени. Кроме того, в обследовании ВНДН недостаточно четко определяется принадлежность работника к формальному сектору (как работа «на предприятии, в организации со статусом юридического лица») в отличие от РМЭЗ, где респондентам также задаются вопросы об официальном оформлении занятости и наличии неформальных выплат по заработной плате.

Ключевым достоинством данных Росстата является их региональная репрезентативность. Также в базе представлены данные о доходах, сопоставимые с данными официальной статистики, что особенно важно при моделировании последствий различных сценариев изменения МРОТ на доходы и бедность. В связи с этим было принято решение провести расчеты для нашего исследования на данных ВНДН.

Возможные последствия роста МРОТ оценивались с помощью следующих сценариев:

- сценарий 0: до 85% федерального значения ПМ населения в трудоспособном возрасте (далее ПМ ТСВ);
- сценарий 1: до 95% федерального значения ПМ ТСВ;
- сценарий 2: до 100% федерального значения ПМ ТСВ;
- сценарий 3: до 100% регионального значения ПМ ТСВ;
- сценарий 4: до 40% средней региональной заработной платы.

Сценарии 1 и 2 соответствуют планам Правительства РФ на 2018 г. и 2019 г., согласно которым с января 2018 г. МРОТ был установлен на уровне 85% ПМ ТСВ за два квартала предыдущего года, а с мая 2018 г. – на уровне 100%. Сценарий 0 соответствует ситуации на начало 2018 г. Включение его в анализ позволит оценить стоимость инициативы ускоренного доведения МРОТ до прожиточного минимума. Сценарии 3 и 4 используют в качестве ориентира региональные показатели прожиточного минимума и средней заработной платы.

При расчетах не учитывалось возможного негативного влияния роста МРОТ на занятость. Таким образом, результаты следует воспринимать как верхнюю (более оптимистичную) оценку показателей распределения доходов. Переход к ценам 2018 г. осуществлялся с учетом соотношения размера федерального ПМ во втором квартале 2017 и 2015 г., на основе которых рассчитывался МРОТ в 2018 г. (год оценки) и 2016 г. (год сбора данных).

На начальном этапе расчетов происходило определение значений показателей доходов и бедности накануне проведения реформы. Работники формального сектора экономики определялись как респонденты, одновременно выбравшие варианты ответов «Занятые на предприятиях, в организациях» и «Занятые в формальном секторе на основной работе». Согласно предположению в модели только работники формального сектора могут претендовать на доплату в случае роста МРОТ.

На следующем этапе происходил пересчет значений переменных, меняющихся вследствие роста МРОТ в соответствии с заданным сценарием. Бенефициары роста МРОТ определялись как работники формального сектора с заработной платой на момент реформы ниже значения нового МРОТ min_wage_{new} . Прибавка к заработной плате Δw определялась по формуле:

$$\Delta w = \begin{cases} min_wage_{new} - wage_{old}, & \text{если } min_wage_{old} \leq wage_{old} \leq min_wage_{new}; \\ (min_wage_{new} - min_wage_{old})w_{old} / min_wage_{old}, & \text{если } wage_{old} < min_wage_{old}. \end{cases}$$

Для респондентов, имевших на момент реформы заработную плату в формальном секторе ниже МРОТ, предполагалась неполная занятость и пропорциональное повышение заработной платы при росте МРОТ. С учетом новых значений индивидуальных доходов работников пересчитывались доходы домохозяйств и уровень бедности.

4. Результаты

Оценки возможных последствий роста МРОТ согласно рассмотренным сценариям представлены в табл. 1. Согласно полученным нами результатам общий уровень бедности изменится незначительно: с 13,5 до 13,2% в случае повышения МРОТ до 85% ПМ и 12,9–13,0% — в случае его роста до 100% ПМ, т.е. не более чем на 0,3–0,6 п.п. Причины столь слабого влияния роста МРОТ на бедность определяются различиями в понятиях «бедность» и «низкая оплата труда». Бедность определяется исходя из доходов домохозяйств, размер заработной платы — на индивидуальном уровне, в связи с чем большая часть бенефициаров роста МРОТ не относится к бедным домохозяйствам, в то время как многие работники из бедных домохозяйств не являются низкооплачиваемыми (см. далее оценки ошибок включения и исключения).

Число работников, попадающих под определение низкооплачиваемых (или бенефициаров повышения МРОТ), в зависимости от сценария существенно меняется. В частности, увеличение МРОТ с 85 до 100% ПМ приводит к расширению группы «Работающих бедных» на 2 млн человек. Переход к расчету МРОТ по региональным значениям ПМ позволяет немного более точно определять уровень нуждаемости, что приводит к некоторому снижению числа бенефициаров (с 6,2 до 5,6 млн человек).

Средний размер прибавки к заработной плате колеблется от 1,8 тыс. руб. в случае повышения МРОТ до 85% ПМ до 2,6 тыс. руб. для роста МРОТ до 40% средней региональной заработной платы. Различия в общем объеме выплат для рассматриваемых сценариев заметно выше: от 7,6 млрд руб. для роста МРОТ, до 85% ПМ, до 20,2 млрд руб. в случае перехода к расчету МРОТ с учетом средней региональной заработной платы. При этом на долю таких преимущественно бюджетных отраслей, как управление, здравоохранение и образование, приходится более 45% общего объема выплат (табл. 1). Сопоставляя общий объем выплат и снижение бедности для различных сценариев, можно отметить, что более эффективным с точки зрения снижения бедности является переход к расчету МРОТ по региональным ПМ, чем использование единого общефедерального значения: при незначительных различиях в итоговом уровне бедности объем выплат для сценария 3 заметно — на 17% — меньше, чем для сценария 2.

Для оценки охвата программой целевой аудиторией в исследовательской практике используются такие характеристики, как ошибки включения и исключения. Ошибкой включения применительно

Таблица 1

Оценки возможных последствий различных сценариев роста МРОТ

Сценарий изменения МРОТ	Число работников, которые получат прибавку в результате роста МРОТ, млн человек	Уровень бедности	Средний размер прибавки к заработной плате, руб. в ценах 2018 г.	Общий объем выплат, млрд руб. в ценах 2018 г.	Относительный объем выплат, % стоимости сценария 1
Исходная ситуация	–	13,5	–	–	–
Сценарий 0: МРОТ = 85% ПМ ТСВ	4,2	13,2	1804	7,6	49
Сценарий 1: МРОТ = 95% ПМ ТСВ	5,6	13,0	2237	12,5	81
Сценарий 2: МРОТ = 100% ПМ ТСВ	6,2	12,9	2500	15,5	100
Сценарий 3: МРОТ = 100% per. ПМ ТСВ	5,6	13,0	1887	12,8	83
Сценарий 4: МРОТ = 40% средней заработной платы по региону	6,7	12,9	2558	20,2	130

Источник: расчеты авторов на основе данных ВДН Росстата.

к росту МРОТ с целью снижения бедности мы будем называть долю проживающих в небедных домохозяйствах среди всех потенциальных бенефициаров, т.е. низкооплачиваемых работников формального сектора. Ошибка включения растет с увеличением размера МРОТ и для всех рассмотренных сценариев оказалась ожидаемо высокой – от 74% в случае установления величины МРОТ на уровень 85% федерального значения ПМ до 81%, если МРОТ будет приравнен к 40% средней заработной платы по региону (табл. 2). Таким образом, не менее трех четвертей бенефициаров роста МРОТ проживают в небедных семьях, не являясь целевой группой с точки зрения борьбы с бедностью.

Ошибка исключения позволяет оценить, сколь часто работающие, проживающие в бедных домохозяйствах, не получают выигрыша от повышения МРОТ. Таких причин может быть две: высокая иждивенческая нагрузка (заработная плата работника выше нового значения МРОТ, но суммарные доходы домохозяйства в подушевом исчислении не превышают ПМ) и работа вне формального сектора. В связи с этим ошибка исключения может быть рассчитана двумя способами: как доля всех работников с заработной платой выше МРОТ среди работающих, проживающих в бедных домохозяйствах (вариант 1), и как доля работников с заработной платой выше МРОТ среди работающих в формальном секторе экономики, проживающих в бедных домохозяйствах (вариант 2).

Ошибка исключения ожидаемо снижается с увеличением размера МРОТ – чем выше установлен новый порог заработной платы, тем больше работников, проживающих в бедных домохозяйствах, получают выгоду от таких изменений. С учетом всех работающих

(вариант 1) размер ошибки исключения очень высок – от 65% (в случае повышения МРОТ до 40% средней региональной заработной платы) до 73% (при достижении МРОТ 85% федерального значения ПМ). В случае сужения целевой группы до работающих формального сектора (вариант 2) ошибка исключения находится в пределах от 39 до 45%. Это говорит о том, что ликвидации индивидуальной бедности среди работающих зачастую недостаточно для преодоления бедности на уровне домохозяйств. При наличии в семье детей и других иждивенцев глубина бедности в ней превышает размер компенсации низкооплачиваемым работникам, и доходы домохозяйства, несмотря на рост МРОТ, по-прежнему остаются ниже ПМ.

Далее представлен детализированный анализ последствий роста МРОТ согласно планам правительства на 2018 г. (до 100% федерального ПМ ТСВ).

Таблица 2

Ошибки включения и исключения для различных сценариев роста МРОТ, %

Сценарий изменения МРОТ	Ошибка включения	Ошибка исключения, I вариант (для рынка труда в целом)	Ошибка исключения, II вариант (только для формального сектора)
Исходная ситуация	–	87,4	54,9
Сценарий 0: МРОТ = 85% ПМ ТСВ	74,2	72,7	45
Сценарий 1: МРОТ = 95% ПМ ТСВ	77	66,4	40,6
Сценарий 2: МРОТ = 100% ПМ ТСВ	78,2	64,1	39
Сценарий 3: МРОТ = 100% рег. ПМ ТСВ	76,9	66,3	40,5
Сценарий 4: МРОТ = 40% средней заработной платы по региону	80,5	65,2	39,5

Источник: расчеты авторов на основе данных ВДН Росстата.

4.1. Влияние роста МРОТ на бедность среди различных групп населения

Потенциальные бенефициары роста МРОТ часто проживают в сельской местности, на них приходится около 45% всех дополнительных выплат (табл. 3). Но даже для жителей села влияния роста МРОТ на бедность минимален: уровень бедности может снизиться с 29,3 до 27,7% для небольших поселений (менее 1 тыс. чел.) и с 26,6 до 25,7% для более крупных поселений (от 1 тыс. человек и выше).

Сопоставляя возможные последствия роста МРОТ с информацией о распределении бедности и неформальной занятости в зависимости от типа населенного пункта (рис. 1), можно отметить высокую долю неформальной занятости на селе, сопровождаемую значительным распространением бедности и числа работников с низкой оплатой труда. Это существенно ограничивает возможности роста МРОТ

Таблица 3

Уровень бедности и распределение общего объема выплат и численности получателей в зависимости от типа населенных пунктов, %

Тип населенного пункта	Уровень бедности, %		Доля общего объема, %	
	исходный	МРОТ = ПМ _{фед}	получателей	выплат
Село, менее 1 тыс.	29,3	27,7	20,1	21,7
Село, не менее 1 тыс.	26,6	25,7	23,2	23,2
Менее 500 тыс.	15,2	14,6	17	16,9
50–100 тыс.	13,1	12,7	6,1	5,5
100–250 тыс.	9,6	9,4	7,2	6,8
250–500 тыс.	8,4	7,9	8,2	8,1
500 тыс. – 1 млн	6,9	6,7	8,4	7,9
1 млн и более	3	2,9	9,9	9,9

Источник: расчеты авторов на основе ВДН Росстата.

как механизма снижения бедности, поскольку многие работники с низкой заработной платой относятся к неформальному сектору и, как следствие, не могут войти в число бенефициаров программы.

Что касается отраслевой принадлежности работников, которые могут выиграть от роста МРОТ, то можно отметить, что почти 40% из них относятся к таким (преимущественно бюджетным) отраслям, как образование и здравоохранение (24 и 14% всех бенефициаров роста МРОТ соответственно); 15% низкооплачиваемых работников работают в торговле и сфере обслуживания; 14% – в обрабатывающей промышленности и энергетике; 9% – в сельском хозяйстве (табл. 4).

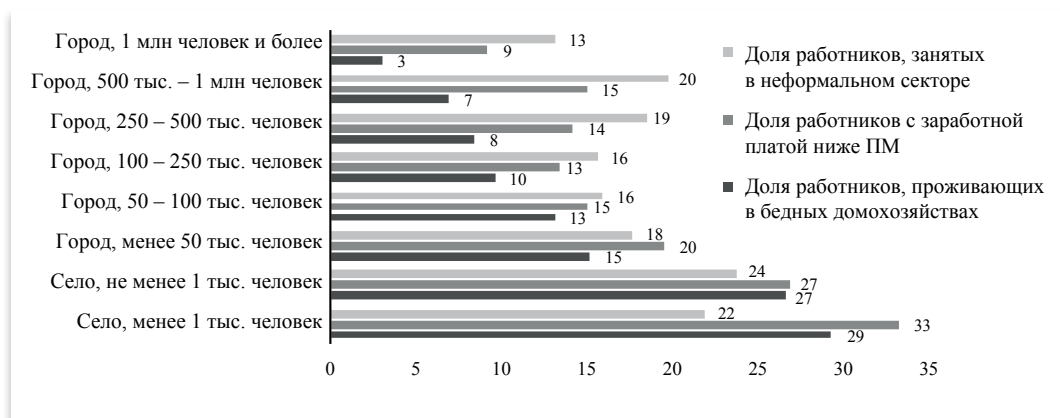

Рис. 1

Распространение неформальной занятости, бедности и низкой оплаты труда в зависимости от типа населенного пункта, %

Источник: расчеты авторов на основе ВДН Росстата.

Таблица 4

Уровень бедности и распределение общего объема выплат и численности получателей по отраслям

Отрасль	Уровень бедности, %		Доля общего объема, %	
	исходный	МРОТ = ПМ _{фсд}	получателей	выплат
Образование	8,5	7,3	23,6	24,4
Торговля, ремонт, гостиницы и рестораны, транспорт и связь	8,4	7,9	14,9	15,6
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	6,7	6,1	14,2	14
Производство, включая энергетику	6,5	6,1	13,5	12,6
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство	23,6	21,9	9,3	9,3
Финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом	4	3,7	7,4	7,3
Государственное управление и обеспечение военной безопасности	3,8	3,4	7	7
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	6,8	6,2	6,6	6,2
Строительство	7,6	7,2	3,4	3,5
Прочая деятельность	31,2	30,4	0	0

Источник: расчеты авторов на основе ВНДН Росстата.

Если не принимать во внимание балансирующую категорию «Прочая деятельность», то с точки зрения распространенности бедности и неформальной занятости можно выделить сельское хозяйство, где низкий размер оплаты труда приводит к высокому уровню бедности среди работающих (33 и 24% соответственно), торговлю и предоставление прочих коммунальных и иных услуг, где при высоком уровне неформальной занятости и распространении низких заработных плат уровень бедности не поднимается выше среднего, а также образование и здравоохранение со значительной долей низкооплачиваемых работников и высокой доле формально занятых. Также можно отметить отрасль «Государственное управление» с практически полностью формальной занятостью, в которой бедность и низкий размер оплаты труда встречаются реже, чем в остальных отраслях экономики (рис. 2).

С точки зрения типа домохозяйств, в которых проживают бенефициары роста МРОТ, можно отметить, что наибольшая часть выплат приходится на домохозяйства с одним ребенком и домохозяйства лиц трудоспособного возраста с работающими – 23 и 21% соответственно (табл. 5). Домохозяйства с высокой демографической нагрузкой – с двумя детьми и многодетные – имеют высокие риски бедности, которые практически не снижаются при росте МРОТ. Главная причина заключается в высокой иждивенческой нагрузке, для преодоления

эффекта которой недостаточно довести заработную плату работника до прожиточного минимума одного человека.

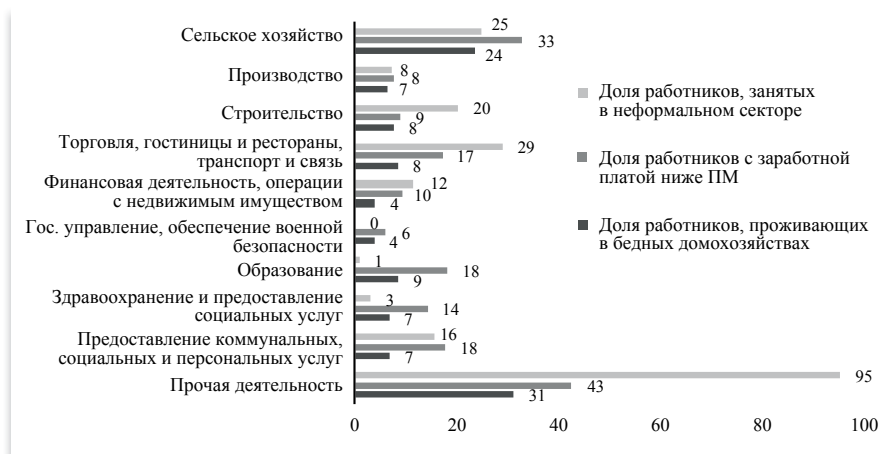

Рис. 2

Распространение неформальной занятости, бедности и низкой оплаты труда по отраслям, %

Источник: расчеты авторов на основе ВДН Росстата.

Таблица 5

Уровень бедности и распределение общего объема выплат и численности получателей в зависимости от типа домохозяйств

Тип домохозяйства	Уровень бедности, %		Доля общего объема, %	
	исходный	МРОТ = ПМ _{фед}	получателей	выплат
С одним ребенком	14	13,3	23,4	23,2
С двумя детьми	25,1	24,4	15,8	16,3
С тремя и более детьми	53,7	53,4	5,9	6,1
Домохозяйства пенсионеров	0,5	0,5	14,1	14,5
Без детей, с пенсионерами	4,2	3,8	19,1	18,6
Лиц ТСВ с работающими	4,4	3,7	21,7	21,3
Лиц ТСВ без работающих	47,9	47,9	0	0

Источник: расчеты авторов на основе ВДН Росстата.

Распределение низкооплачиваемых работников, выигрывающих от повышения минимальной заработной платы, в зависимости от доходов домохозяйств, в которых они проживают, еще раз напоминает о большой ошибке включения, характерной для роста МРОТ. Лишь 29% общего объема выплат приходится на тех работающих бедных, которые действительно проживают в домохозяйствах с доходами ниже прожиточного минимума (табл. 6).

Таблица 6

Уровень бедности, распределение общего объема выплат и числа получателей для рассматриваемых сценариев в зависимости от уровня доходов домохозяйств

Размер среднедушевых доходов доходной группы, руб.	Уровень бедности, %		Доля общего объема, %	
	исходный	МРОТ = ПМ _{фед}	получателей	выплат
Менее 1 ПМ	100	96,1	26,9	28,7
1,0–1,25 ПМ	0	0	12	11,6
1,25–1,5 ПМ	0	0	9,8	9,6
1,5–2,0 ПМ	0	0	15,5	15,7
2,0–3,0 ПМ	0	0	20,7	20,9
Более 3,0 ПМ	0	0	15,1	13,6

Источник: расчеты авторов на основе ВНДН Росстата.

Однако, несмотря на низкую эффективность МРОТ как инструмента снижения официальной бедности, следует отметить, что практически половина бенефициаров роста МРОТ проживают в семьях с невысокими доходами (не более 1,5 ПМ в расчете на душу населения). Помощь им формально не может быть отнесена к мероприятиям по снижению бедности, но фактически является профилактикой бедности, в которой эти домохозяйства с легкостью могут оказаться даже при незначительном снижении доходов.

В домохозяйствах со средним и высоким уровнем доходов проживают чуть более трети бенефициаров роста МРОТ: 21% с подушевыми доходами от 2 до 3 ПМ и 15% с подушевыми доходами 3 ПМ и выше.

4.2. Региональные аспекты роста минимальных заработных плат

В ходе исследования были проанализированы возможные последствия перехода от централизованного к региональному определению МРОТ. Для этого было проведено сравнение последствий сценариев 2 и 3, предполагающих увеличение МРОТ до 100% федерального и регионального значений прожиточного минимума соответственно.

Эффективность МРОТ в качестве механизма снижения бедности зависит от соотношения федерального и региональных ПМ: в регионах с относительно низкими ценами воздействие на бедность выше в случае использования в качестве ориентира федерального значения ПМ. Впрочем, это достигается за счет заметного роста общего объема выплат – сценарий 3 обойдется работодателям на 17% дешевле сценария 2 (табл. 7).

Выигрывают от централизованного определения уровня МРОТ работники формального сектора регионов Северо-Кавказского и Приволжского федеральных округов, где разница между средним

Таблица 7

Уровень бедности и средний размер прибавки к заработной плате в результате реализации рассматриваемых сценариев, по федеральным округам

Федеральный округ	Уровень бедности, %			Средний размер прибавки к заработной плате, руб. в ценах 2018 г.	
	исходный	МРОТ = ПМ _{фед}	МРОТ = ПМ _{рег}	МРОТ = ПМ _{фед}	МРОТ = ПМ _{рег}
Центральный	7,2	6,8	6,8	2533	2521
Северо-Западный	9	8,7	8,6	2439	2797
Приволжский	13	12,2	12,4	2498	1863
Уральский	12,7	12,3	12,3	2602	2489
Сибирский	19,3	18,5	18,7	2498	2289
Дальневосточный	14,3	14	13,9	2310	3794
Южный	16,7	16,2	16,4	2461	1992
Северо-Кавказский	29,8	29,2	29,4	2498	1729

Источник: расчеты авторов на основе ВДН Росстата.

размером прибавки к заработной плате для сценариев 2 и 3 (предполагающих расчет МРОТ с помощью федерального и регионального значений ПМ соответственно) положительная и превышает 600 руб. Проигрывают работники регионов Северо-Западного, и в особенности Дальневосточного федерального округа, где разница между средним размером прибавки к заработной плате для сценариев 2 и 3 отрицательная и составляет порядка 350 и 1500 руб. соответственно.

Распределение числа получателей и объема выплат также зависит от способа выбора ориентира при расчете МРОТ. Так, в федеральных округах с относительно низкими ценами (Приволжский, Северо-Кавказский, Южный) при переходе к расчету МРОТ на основе регионального ПМ доля общего объема выплат заметно снижается: с 14 до 7,9% общего объема – в Приволжском округе; с 3,5 до 1,6% – в Северо-Кавказском округе; с 6,4 до 4,6% – в Южном округе (табл. 8). Напротив, ожидаемо растут доли объема выплат и доли получателей в Дальневосточном округе, где региональные цены заметно выше общенациональных.

С точки зрения распространения бедности можно отметить Северо-Кавказский федеральный округ, где доля работающих и проживающих в бедных домохозяйствах составляет 30%, что существенно выше общенационального значения. Высокая распространенность неформальности в данном округе (а также в меньшей степени – в Сибирском и Южном федеральных округах) накладывает дополнительные ограничения на эффективность роста МРОТ как механизма снижения бедности, поскольку значительная часть низкооплачиваемых работников оказывается за рамками данной программы (рис. 3).

Таблица 8

Ошибки включения и исключения для различных сценариев роста МРОТ

Федеральный округ	Распределение получателей выплат, %		Распределение общего объема выплат, %	
	МРОТ = ПМ _{фед}	МРОТ = ПМ _{рег}	МРОТ = ПМ _{фед}	МРОТ = ПМ _{рег}
Центральный	10,7	10	11,2	10,5
Северо-Западный	3,9	4,2	3,9	4,8
Приволжский	13,5	10,2	14	7,9
Уральский	4,4	4,4	4,7	4,5
Сибирский	9,1	8,7	9,4	8,2
Дальневосточный	1,4	2,2	1,3	3,5
Южный	6,3	5,5	6,4	4,6
Северо-Кавказский	3,4	2,3	3,5	1,6

Источник: расчеты авторов на основе ВДН Росстата.

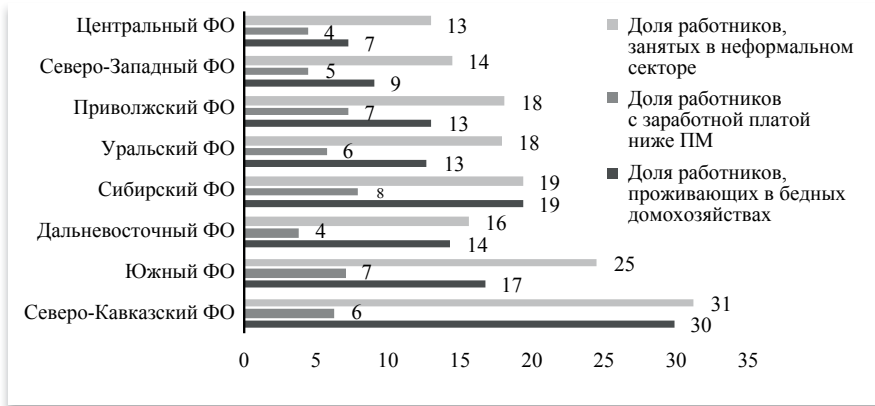

Рис. 3

Распространение неформальной занятости, бедности и низкой оплаты труда по федеральным округам, %

Источник: расчеты авторов на основе ВДН Росстата.

Другим важным следствием роста МРОТ при его централизованном определении может оказаться негативная реакция наиболее слабых региональных рынков труда (Гимпельсон и др., 2017). Некоторое представление о том, как изменение МРОТ может сказаться на ситуации в конкретных регионах, можно получить из рис. 4, где представлены данные о 20 регионах с наибольшим индексом Кейтца, рассчитанным как соотношение МРОТ и средней заработной платы. В регионах с низкой заработной платой значения индекса Кейтца после повышения МРОТ превысят 50%, что в условиях неблагоприятной экономической ситуации может привести к сокращению рабочих мест и переводу их в теневой сектор.

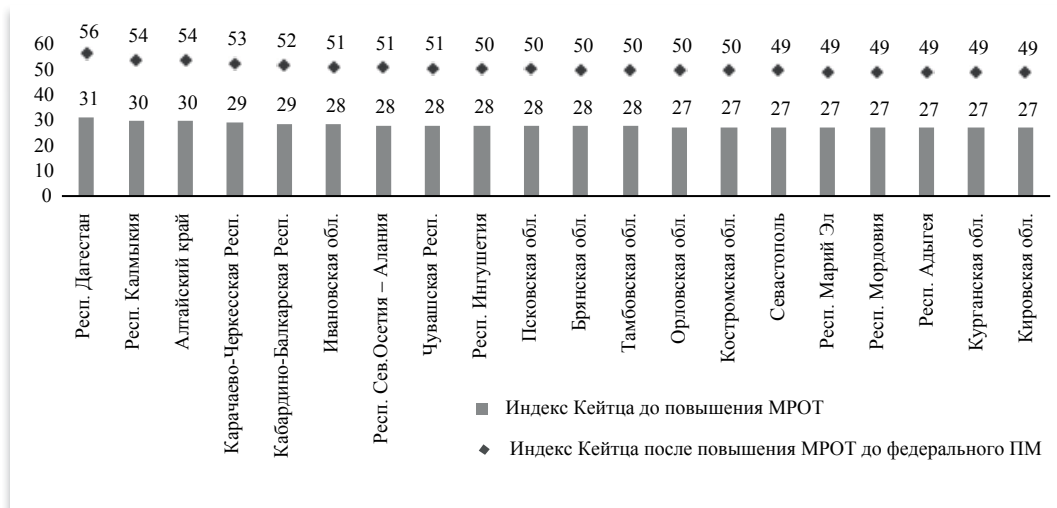

Рис. 4

Коэффициент Кейтца до и после его гипотетического повышения до федерального ПМ, %

Источник: расчеты авторов на основе ВДН Росстата.

Заключение

В данной работе была дана оценка возможного влияния минимального размера оплаты труда (МРОТ) на доходы и бедность. В качестве возможных сценариев роста МРОТ были рассмотрены планы правительства на 2018–2019 гг., а также варианты, предполагающие определение минимальной заработной платы с учетом региональных особенностей.

Повышение МРОТ нередко воспринимается и декларируется как эффективное средство борьбы с бедностью, однако, как показывают расчеты, уровень бедности слабо реагирует на рост минимальной заработной платы: лишь на 0,6 п.п. в случае роста МРОТ до 100% федерального прожиточного минимума (ПМ). Среди основных причин можно назвать неформальную занятость, а также несоответствие заработной платы уровню иждивенческой нагрузки на работающих – многие работники, проживающие в бедных домохозяйствах, не являются низкооплачиваемыми, однако размер их заработной платы не позволяет обеспечить приемлемый уровень доходов всех членов домохозяйства.

Большая часть возможных бенефициаров роста МРОТ – не менее 75% для всех рассмотренных сценариев – не проживают в домохозяйствах, официально признаваемых малоимущими. В то же время практически половина бенефициаров роста МРОТ проживают в семьях с невысокими доходами (не более 1,5 ПМ на человека). Помощь им формально не может быть отнесена к мерам, направленным на снижение бедности, но фактически является ее профилактикой.

С приближением минимальной заработной платы к ПМ общий объем прибавки к заработной плате, которую работодателям придется выплатить низкооплачиваемым работникам, существенно возрастает. Так, например, объем дополнительных выплат в случае МРОТ на уровне 85% ПМ вдвое ниже, чем в случае МРОТ на уровне 100% ПМ. Корректировка планов правительства на 2018 г., состоявшая в досрочном повышении МРОТ, начиная с мая, также существенно – на 65% – увеличила предполагаемый объем дополнительных зарплатных выплат за год.

Потенциальные бенефициары роста МРОТ часто проживают в сельской местности, на них приходится около 45% всех дополнительных выплат. Почти 40% работников, выигрывающих от роста МРОТ, относятся к таким преимущественно бюджетным отраслям, как образование и здравоохранение (24 и 14% – соответственно), 15% – к торговле и сфере обслуживания, 14% – к обрабатывающей промышленности и энергетике.

Переход к расчету МРОТ по региональному прожиточному минимуму на 17% снижает общий объем выплат по сравнению с централизованным определением минимальной заработной платы.

Согласно полученным результатам даже значительный рост минимальной заработной платы, требующий больших бюджетных затрат, не позволит существенно снизить бедность. Большого влияния на бедность можно достичь определяя минимальную заработную плату с помощью региональных значений прожиточного минимума. Однако главный акцент в преодолении бедности должен быть сделан на адресные программы, в которых помощь оказывается с учетом доходов конкретных домохозяйств, а не индивидуальных доходов работников, как в случае роста минимальной заработной платы.

ЛИТЕРАТУРА

- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Вишневская Н., Зудина А.А., Лазарева О., Лукьянова А.Л., Ощепков А.Ю., Слонимчик Ф. (2014). В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда. Монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Роцин С.Ю., Зудина А.А., Лукьянова А.Л., Ощепков А.Ю., Смирных Л.И., Травкин П.В., Шарунина А.В. (2017). Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и Лаборатории исследований рынка труда (ЛИРТ). [Электронный ресурс] ЦСР. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Роцин С.Ю. (ред.). М.: Режимдоступа: https://www.hse.ru/data/2017/03/22/1170077643/Doklad_trud.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: октябрь 2018 г.).
- Капелюк С. (2014). Региональная минимальная заработная плата в России: эконометрический анализ // *Вестник НГУЭУ*. № 1. С. 157–169.

- Капелюк С.Д.** (2016). Влияние минимальной заработной платы на глубину и остроту бедности в России // *Вестник Сибирского университета потребительской кооперации*. Т. 18. № 3–4. С. 36–49.
- Кобзарь Е.Н.** (2009). Минимальная заработная плата и региональные рынки труда в России: Препринт WP15/2009/06. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Лукьянова А.Л.** (2016). Практика установления региональных минимальных заработных плат в субъектах Российской Федерации (2007–2015) // *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 1. С. 81–102.
- Belman D., Wolfson P.** (2014). What Does the Minimum Wage Do? Kalamazoo MI: W.E. Upjohn Institute for Employment Research.
- Brown C.** (1999). Minimum Wages, Employment, and the Distribution of Income. In: Ashenfelter O., Card D. (eds) “*Handbook of Labour Economics*”. North-Holland: Elsevier Science.
- Burkhauser R.V., Card D., Krueger A.B.** (1994). Minimum Wages and Employment: A Case Study of the Fast-Food Industry in New Jersey and Pennsylvania // *American Economic Review*. Vol. 84. P. 772–793.
- Burkhauser R.V.** (2014). Why Minimum Wage Increases Are a Poor Way to Help the Working Poor? IZA Policy Paper No. 86.
- Burkhauser R.V., Sabia J.J.** (2007). The Effectiveness of Minimum Wage Increases in Reducing Poverty: Past, Present, and Future // *Contemporary Economic Policy*. Vol. 25 (2). P. 262–81.
- Caliendo M., Fedorets A., Preuss M., Schröder C., Wittbrodt L.** (2017). The Short-Term Distributional Effects of the German Minimum Wage Reform. Discussion Paper No. 11246. IZA Bonn.
- Comola M., Mello L. de** (2011). How Does Decentralized Minimum Wage Setting Affect Employment And Informality? The Case of Indonesia // *Review of Income and Wealth*. P. S79–S99.
- Couch K.A., Wittenburg D.C.** (2001). The Response of Hours of Work to Increases in the Minimum Wage // *Southern Economic Journal*. Vol. 68 (1). P. 171–177.
- Freeman R.B.** (1996). The Minimum Wage as a Redistributive Tool // *The Economic Journal*. Vol. 106 (436). P. 639–649.
- Lukiyanova A.** (2011). Effects of the Minimum Wage on the Russian Wage Distribution. WP BRP 09/EC/2011. М.: Higher School of Economics.
- MaCurdy T.** (2015). How Effective Is the Minimum Wage at Supporting the Poor? // *Journal of Political Economy*. Vol. 123 (2). P. 497–545.
- Manning C., Bird K.** (2008). Minimum Wages and Poverty in a Developing Country: Simulations from Indonesia’s Household Survey // *World Development*. Vol. 36 (5). P. 916–933.
- Muravyev A., Oshchepkov A.** (2013). Minimum Wages and Labor Market Outcomes: Evidence from the Emerging Economy of Russia. Research Paper No. WP BRP 29/EC/2013. М.: Higher School of Economics.
- Nataraj S., Perez-Arce F., Srinivasan S.V., Kumar K.B.** (2014). The Impact of Labor Market Regulation on Employment in Low-Income Countries: A Meta-Analysis // *Journal of Economic Surveys*. Vol. 28 (3). P. 551–572.

- Neumark D., Wascher W.** (2002). Do Minimum Wages Fight Poverty? // *Economic Inquiry*. Vol. 40 (3). P. 315–313.
- Neumark D., Wascher W.** (2007). Minimum Wages and Employment // *Foundations and Trends in Microeconomics*. Vol. 3 (1–2). P. 1–182.
- Neumark D., Wascher W.** (2008). Minimum Wages. Cambridge, MA: MIT Press.
- Sabia J.J.** (2008). Minimum Wages and the Economic Wellbeing of Single Mothers // *Journal of Policy Analysis and Management*. Vol. 27. P. 848–866.
- Sabia J.J., Burkhauser R.V.** (2010). Minimum Wages and Poverty: Will a \$9.50 Federal Minimum Wage Really Help the Working Poor? // *Southern Economic Journal*. Vol. 76 (3). P. 592–623.

Поступила в редакцию 23 января 2018 г.

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Belman D., Wolfson P.** (2014). What Does the Minimum Wage Do? Kalamazoo MI: W.E. Upjohn Institute for Employment Research.
- Brown C.** (1999). Minimum Wages, Employment, and the Distribution of Income. In: Ashenfelter O., Card D. (eds) “*Handbook of Labour Economics*”. North-Holland: Elsevier Science.
- Burkhauser R.V.** (2014). Why Minimum Wage Increases Are a Poor Way to Help the Working Poor? IZA Policy Paper No. 86.
- Burkhauser R.V., Card D., Krueger A.B.** (1994). Minimum Wages and Employment: A Case Study of the Fast-Food Industry in New Jersey and Pennsylvania. *American Economic Review*, 84, 772–793.
- Burkhauser R.V., Sabia J.J.** (2007). The Effectiveness of Minimum Wage Increases in Reducing Poverty: Past, Present, and Future. *Contemporary Economic Policy*, 25 (2), 262–81.
- Caliendo M., Fedorets A., Preuss M., Schröder C., Wittbrodt L.** (2017). The Short-Term Distributional Effects of the German Minimum Wage Reform. Discussion Paper No. 11246. IZA Bonn.
- Comola M., Mello L. de** (2011). How Does Decentralized Minimum Wage Setting Affect Employment And Informality? The Case of Indonesia. *Review of Income and Wealth*, S79–S99.
- Couch K.A., Wittenburg D.C.** (2001). The Response of Hours of Work to Increases in the Minimum Wage. *Southern Economic Journal*, 68 (1), 171–177.
- Freeman R.B.** (1996). The Minimum Wage as a Redistributive Tool. *The Economic Journal*, 106 (436), 639–649.
- Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I., Vishnevskaya N., Zudina A.A., Lazareva O., Lukyanova A.L., O. Oshchepkov A.Yu., Slonimchik F.** (2014). In the Shadow of Regulation: Informality in the Russian Labour Market. National Research University Higher School of Economics. Moscow : HSE Publishing House.
- Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I., Roshchin S.Yu., Zudina A.A., Lukyanova A.L., O. Oshchepkov A.Yu., Smirnykh L.I., Travkin V.P., Sharunina A.V.** (2017).

Russian Labor Market: Trends, Institutions, Structural Changes. Report of the Labor Studies Center (CLMS) and the Laboratory for Labor Market Studies (LIRT). Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I., Roshchin S.Yu. (eds) Moscow: CSR. Available at: https://www.hse.ru/data/2017/03/22/1170077643/Doklad_trud.pdf (accessed: October 2018, in Russian).

- Kapelyuk S.D.** (2014). Regional Minimum Salary in Russia: Econometric Analysis. *Vestnik NGUEU*, 1, 157–169 (in Russian).
- Kapelyuk S.D.** (2016). The Impact of Minimum Wage on the Depth and Severity of Poverty in Russia. *Vestnik Sibirskogo universiteta potrebitel'skoi kooperatsii*, 18, 3–4, 36–49 (in Russian).
- Kobzar E.** (2009). Minimum Wage and Regional Labour Markets in Russia. Working paper WP15/2009/06. Moscow: State University – Higher School of Economics (in Russian).
- Lukiyanova A.** (2011). Effects of the Minimum Wage on the Russian Wage Distribution. WP BRP 09/EC/2011. Moscow: Higher School of Economics.
- Lukiyanova A.L.** (2016). Regional Variation in the Minimum Wage Policies in the Russian Federation (2007–2015). *Public Administration Issues*, 1, 81–102 (in Russian).
- Manning C., Bird K.** (2008). Minimum Wages and Poverty in a Developing Country: Simulations from Indonesia's Household Survey. *World Development*, 36 (5), 916–933.
- Muravyev A., Oshchepkov A.** (2013). Minimum Wages and Labor Market Outcomes: Evidence from the Emerging Economy of Russia. Research Paper No. WP BRP 29/EC/2013. Moscow: Higher School of Economics.
- MaCurdy T.** (2015). How Effective Is the Minimum Wage at Supporting the Poor? *Journal of Political Economy*, 123 (2), 497–545.
- Nataraj S., Perez-Arce F., Srinivasan S.V., Kumar K.B.** (2014). The Impact of Labor Market Regulation on Employment in Low-Income Countries: A Meta-Analysis. *Journal of Economic Surveys*, 28 (3), 551–572.
- Neumark D., Wascher W.** (2002). Do Minimum Wages Fight Poverty? *Economic Inquiry*, 40 (3), 315–313.
- Neumark D., Wascher W.** (2007). Minimum Wages and Employment. *Foundations and Trends in Microeconomics*, 3 (1–2), 1–182.
- Neumark D., Wascher W.** (2008). Minimum Wages. Cambridge: MIT Press.
- Sabia J.J.** (2008). Minimum Wages and the Economic Wellbeing of Single Mothers. *Journal of Policy Analysis and Management*, 27, 848–866.
- Sabia J.J., Burkhauser R.V.** (2010). Minimum Wages and Poverty: Will a \$9.50 Federal Minimum Wage Really Help the Working Poor? // *Southern Economic Journal*, 76 (3), 592–623.

Received 23.01.2018

E.E. Grishina

Institute for Social Analysis and Forecasting at RANEPА, Moscow, Russia

P.O. Kuznetsova

Institute for Social Analysis and Forecasting at RANEPА, Moscow, Russia

Minimum Wage as a Tool to Reduce Poverty: Expected Consequences of the Reform

Abstract. Consistent growth of the minimum wage is one of the important issues in recent Russian legislation. In May 2018 the minimum wage was increased up to the value of the subsistence minimum. In this paper we estimate the expected impact of the growth of the minimum wage on poverty, not taking into account possible negative effect on employment. According to the results obtained, even a significant increase in minimum wages will not lead to a noticeable poverty reduction. The main reason lies in the differences between the concepts of poverty, defined at the household level, and low wages, determined individually. If the minimum wage grows to the subsistence minimum, only a little more than a quarter of all additional payments will go to poor households. At the same time, almost half of the beneficiaries of the growth of the minimum wage live in formally non-poor families with incomes that slightly exceed the poverty line. A greater impact on poverty can be achieved by determining the minimum wage on the basis of regional subsistence minimum values. However the main emphasis in overcoming poverty should be made on targeted programs, in which assistance is provided taking into account household incomes rather than individual incomes of workers, as in the case of minimum wage increase.

Keywords: *minimum wage, poverty, subsistence minimum, microsimulations, impact assessment.*

JEL Classification: J31, J38, I32.

DOI: 10.31737/2221-2264-2018-40-4-6